

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИЧНОСТИ С СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДОЙ КАК ДЕТЕРМИНИРУЮЩАЯ СИСТЕМА ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Проблема взаимодействия личности правонарушителя с социальной средой относится к числу центральных криминологических проблем. Особую значимость она приобретает в современных условиях динамики научно-технического прогресса, влекущего коренные социальные преобразования, увеличение социальной мобильности и, как следствие, рост кризисных ситуаций и активизацию социальных отклонений.

Преступное поведение личности, являясь одной из форм человеческой деятельности, существует в тесной взаимосвязи и функциональной взаимозависимости с социальной средой. Устойчивость социальной системы выражается в симметрии свойств и форм поведения человека требованиям социальной среды.

Как глубоко подмечено К. Марксом, «обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства», «не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет сознание». Развивая данную мысль, полагаем возможным отметить, что человек – существенный активный компонент социальной системы, который, испытывая воздействие социума и изменяясь в связи с этим, одновременно сам воздействует на окружающую среду, меняя и перестраивая ее.

Динамический характер взаимодействия личности с социальной средой обуславливает особую важность сохранения социального равновесия посредством своевременного приведения в норму постоянно возникающих отклонений (конфликтов) в указанном взаимодействии. Нарушение этого равновесия демонстрирует несовершенство в работе компенсирующих механизмов, призванных обеспечивать устойчивость системы «личность – социальная среда». Оно возникает вследствие неспособности личности должным образом реагировать на противоречия окружающей среды в определенных ситуациях. Нарушение социального равновесия обуславливает преступность. Для конфликтного социального взаимодействия характерно отрицание ценностных ориентиров и норм, которые присущи данной социальной среде. Такой тип взаимодействия может быть рассмотрен в качестве социальной «неадекватности», «ненормальности», проявляющийся в несоответствии свойств и черт личности основным нормам социальной среды.

Понятие нормы в поведении человека базируется на оценочном представлении, характеризующем признаки нормального, правильного поведения и поведения, отклоняющегося от нормы, девиантного. Нормы поведения – это, по существу, воплощение объективно существующих интересов и потребностей людей, мера полезного с точки зрения общества поведения, направленного на обеспечение мира, спокойствия и развития человеческого прогресса. Следовательно, социальные нормы представляют собой внешнее выражение системы взаимодействия личности с социальной средой, а соблюдение этих норм, их стабильность – показатель степени устойчивости социальной системы.

Вышеизложенное позволяет заключить, что ключевыми, научно обоснованными и прагматично значимыми криминологическими положениями выступают:

изменения, происходящие в социальной среде, влияют на изменение социальных характеристик личности и, наоборот, изменения в свойствах и состоянии личности, воздействуют на модификацию социальной среды;

преступление всегда является результатом неразрывного, взаимно детерминированного взаимодействия внешних факторов объективной социальной действительности с внутренними личностными факторами;

подлинное объяснение неправомерности действий правонарушителя возможно лишь при условии целостного объективного исследования и оценки всей совокупности социальных отношений в конкретной социальной реальности.

ПСИХОЛОГО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ УГОЛОВНО НАКАЗУЕМЫХ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

Изучение механизма определяющего поведение человека в экстремальных ситуациях открывает перед нами новое проблемное поле не только в психологической, но и в юридической науке.

Так, любое биологическое существо, включая человека, попадая в экстремальную ситуацию выходит на уровень индивидуальной адаптивности, видоизменяя свое обычное поведение существенным образом. В доминирующем большинстве в основе содержательного описания

феномена экстремальности лежат конкретные события, находящиеся за пределами человеческого опыта, неизбежно ведущие к нарушению психического, душевного или эмоционального равновесия.

Особой отличительной чертой экстремальной ситуации выступает ее персонифицированность, т. е. одна и та же ситуация разными людьми будет восприниматься совершенно по-разному. Особенностью феноменологии экстремальной ситуации выступает индивидуальное реагирование человека на внешний раздражитель, формирующее механизм восприятия личностью опасного стимула через призму когнитивного соотношения перспективной модели развития текущей ситуации в зависимости от индивидуальных умений и навыков, эмпирического опыта, персональных страхов, фобий и переживаний.

Достижению предельных деструктивных состояний предшествует включение в человеке специальных аварийных и защитных адаптационных механизмов, направленных на ликвидацию или избегание опасности, предотвращение гибели организма и недопущение процесса его умирания. Проявление вышеуказанных механизмов находит отражение во внутренних сигнальных системах организма человека, которые вызывают в человеке различные соматические и психоэмоциональные отклики. Выраженность этих откликов может протекать в диапазоне от неприятных ощущений до резкой боли, заставляющей избегать побуждающего их стимула. В некоторых случаях внутренние сигналы организма на определенный период способны изменить дееспособность человека, становясь ситуативной детерминантой его поведения, вынуждая выбрать новую, часто биологически обусловленную, модель реагирования.

Существующие правовые механизмы регулирования общественных отношений определяют общественно значимую, верную модель поведения, которой должен придерживаться каждый индивид, включенный в процесс социального взаимодействия. При этом правильно работающие и четко выстроенные правовые регуляционные механизмы побуждают всех членов общества к правомерному, а как следствие – обычному и прогнозируемому поведению.

Необходимо четко понимать, что в правовом государстве попадание человека в экстремальную ситуацию достаточно проблематично, а как следствие – может быть обусловлено преимущественно сбоем механизма регулирования отдельных социальных процессов и отношений, личной безответственностью, связанной с нарушением правовых запретов, либо преступными действиями иных лиц.

Законодатель в рамках правового поля устанавливает достаточно узкий диапазон ролевого участия человека в экстремальной ситуации.

Так, субъект социального взаимодействия выступает в роли потерпевшего, правонарушителя (преступника), либо случайного участника (очевидца). При этом личные действия лиц, вовлеченных в динамику событий, протекающих в экстремальной ситуации, могут изменять их ролевой статус по отношению к охраняемым законом общественным отношениям.

В соответствии с белорусским законодательством все виды правонарушений находят свое проявление в форме умысла и неосторожности, а реализуются в качестве действия или бездействия субъекта правонарушения.

В этой связи необходимо учитывать, что психологический механизм нахождения человека в экстремальной ситуации, обуславливающий модель его поведенческого реагирования, несколько более сложный и включает в себя находящиеся в прямой зависимости друг от друга когнитивную и темпоральную составляющие.

Исследования, проводимые нами, показывают разность реагирования человека на опасный стимул в зависимости от наличия времени, необходимого для когнитивного анализа происходящих событий. Можно утверждать, что экстремальность ситуации формируется не столько на основе экзогенных факторов, таких как реальная существующая угроза для здоровья и биологического существования человека, сколько на основе эндогенных, субъективных, таких как его внутреннее отношение к происходящим событиям. Вследствие чего и происходит отличие в восприятии одной и той же ситуации разными людьми, подтверждая, что критерий «экстремальности» находится исключительно в области психического развития личности. При этом механизм реагирования одного и того же человека на один и тот же факт, в зависимости от влияния темпоральной составляющей, может отличаться.

Так, в ситуациях, в которых между возникновением опасного стимула и включением человека в экстремальную ситуацию не имеется разрыва во времени, при условии отсутствия модели поведения, доведенной до состояния мышечной памяти, он будет реагировать биологически обусловленной моделью поведения, такой как ступор, бегство либо агрессия. Особенностью биологически обусловленной поведенческой модели реагирования на опасный стимул выступает отсутствие когнитивного анализа человеком ситуации и сознательного контроля собственного поведения в ней. И если с точки зрения правовой науки модели реагирования, такие как замирание и бегство можно отнести к виктимному поведению, то агрессивное реагирование может приводить к негативным последствиям непосредственно для инициатора экстремальной ситуации или третьих лиц, а как следствие – к возникновению новых задач по квалификации деяний участников событий.

Существенное отличие наблюдается и в обстоятельствах, в которых между моментом возникновения экстремальной ситуации и включением в нее человека наблюдается разрыв во времени, достаточный для осознания человеком степени опасности, которой он подвергается. В таких ситуациях работают принципиально иные механизмы оценки окружающей обстановки и реагирования на нее. Вместо описанных выше биологически обусловленных механизмов в детерминации модели поведенческого реагирования выступает когнитивная и эмоциональная сфера. В зависимости от степени выраженности и влияния эмоциональной сферы может проявляться аффективное поведение.

В описанных случаях, когда уголовно-правовые нормы нарушены, законодатель идет по пути оценки субъективной стороны преступления как деяний, совершенных умышленно либо по неосторожности, допускающая возможность совершения преступления в состоянии аффекта (в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения), т. е. в соответствии со ст. 31 Уголовного кодекса (УК) Республики Беларусь.

При этом, если можно согласиться, что для ситуаций, в которых человек имеет возможность придавать эмоциональный окрас событиям посредством оценки грозящей ему угрозы, а также в той либо иной мере отдавать отчет своим действиям, данная квалификация приемлема, то для деяний человека, совершенных в обстоятельствах включения его в экстремальную ситуацию в условиях отсутствия разрыва во времени с момента ее возникновения, подобный подход вызывает сомнения. По нашему мнению, действия субъекта преступления, совершенные в подобных обстоятельствах, должны квалифицироваться по ст. 34 УК Республики Беларусь или рассматриваться как совершенные в состоянии уменьшенной вменяемости.

УДК 159.9.072

Н.Ф. Гребень

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОРРУПЦИОНЕРА

Коррупционное поведение, как и особенности личности коррупционера только в последние десятилетия стали актуальной проблемой для отечественной психологической науки. Во многом это было связано с отсутствием соответствующего запроса со стороны государственных структур, а также недоступностью объекта исследования для психологов. Поэтому сложилась ситуация, когда в психологии еще не разработа-

но достаточно знаний и практик для эффективного разрешения проблемы коррупционного поведения.

В данной статье мы остановимся на анализе эмпирических исследований психологических особенностей лиц с коррупционным поведением. Под личностными особенностями будем понимать комплекс характеристик человека, которые задаются темпераментом, характером, способностями, эмоциональной и мотивационной сферами и отличают одного человека от другого.

Ю.М. Антоняном были определены ведущие мотивы коррупционного поведения. Первый из них – видимый, внешний – это корысть, стремление обеспечить себя материальными благами. Второй, глубинный, смысловой, заключающийся в отношении к коррупции как к игре (Ю.М. Антонян, 2003).

А.Л. Журавлев и А.В. Юревич выявили, что лицам, осужденным за коррупцию, присущи такие черты, как осторожность в построении межличностных отношений, отсутствие страха «расплаты», черствость по отношению к жертвам коррупции, агрессивность, выраженность таких механизмов психологических защит, как отрицание и компенсация, склонность к азарту и риску (А.Л. Журавлев, А.В. Юревич, 2012).

В исследовании Л.М. Закировой изучались такие психологические переменные, как локус контроля и склонность к риску у лиц с коррупционным поведением (150 человек), которые не привлекались к уголовной ответственности и были отобраны при помощи анкетирования. Для них наиболее характерен интернальный тип локуса контроля и его увеличение с возрастом. Высокий уровень склонности к риску наблюдается у лиц раннего зрелого возраста, а у лиц среднего зрелого возраста и возраста с верхним порогом зрелости зафиксирован средний уровень склонности к риску (Л.М. Закирова, 2012).

Е.Е. Гавриной выявлены следующие социально-психологические особенности бывших сотрудников уголовно-исполнительной системы, осужденных за преступления коррупционного характера. В большинстве своем это лица от 19 до 40 лет, состоят в браке, относят себя к верующим, стаж работы порядка 10 лет в исполнительной системе, редко имеющие дисциплинарные взыскания, хорошо ориентирующиеся в своих правах и обязанностях по работе. Они придерживаются активного стиля жизни, предпочитают воздерживаться от эмоций, вести себя сдержанно и консервативно, чувствуют себя комфортно среди других людей и склонны ими манипулировать, испытывают комфорт под грузом власти и ответственности, способны проявлять инициативу и заражать других своей активностью (Е.Е. Гаврина, 2013).